О народной поэзіи и пѣснѣ.

Каждый народъ, также какъ и отдѣльная личность, имѣетъ свою индивидуальность (особность), вслѣдствіе тѣхъ климатическихъ и нравственныхъ условій, при которыхъ сложилась жизнь его. Лучшій памятникъ народной жизни, народнаго развитія, самый животрепещущій элементъ народности — это народная пѣсня, народная поэзія: въ нихъ — образцы внутренней борьбы человѣка съ природными инстинктами, въ нихъ образовательная работа этихъ инстинктовъ, въ нихъ слѣды прожитаго горя, счастливыхъ надеждъ. Онѣ — сколокъ съ исторической и индивидуальной жизни народа съ характеристикою всѣхъ его особенностей, всѣхъ воспринятыхъ народомъ даже минутныхъ впечатлѣній во всей ихъ правдивой, трогательной простотѣ. Всѣ симпатіи и антипатіи народныя, всѣ его вѣрованія, обычаи, издревле усвоенные народомъ, — словомъ, всѣ его страданія и наслажденія разлиты, такъ сказать, по всему народному тѣлу и изліяніе этихъ чувствованій и вѣрованій въ пѣсню совершается устами всего народа, а не отдѣльныхъ личностей. Пѣсня — это лѣтопись, которая не солжетъ, потому что она — продуктъ постепеннаго роста народа; она живетъ въ устахъ народа, сохраняя изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ свою *цѣлость*, несмотря на вымираніе поколѣній; и замѣщеніе вымершихъ поколѣній новыми, не вліяетъ замѣтнымъ образомъ на тѣ отправленія, въ которыхъ они принимали участіе. Пѣсня народная — воплощеніе народнаго духа, пѣсня — первоначальная основа музыки. Возрожденіе изъ тлѣна и праха народной пѣсни

всегда совпадаетъ съ началомъ народнаго образованія, народнаго самопознанія. Пѣсня дѣлается предметомъ изученія и изслѣдованія; являются дѣятели, которые собираютъ сырые матеріалы народнаго творчества, вырабатываютъ изъ нихъ правила народнаго стиха и музыкальнаго ритма, и на этихъ данныхъ основывается современемъ самобытная драма, оригинальная музыка, имѣющая почву, родная своей странѣ, своему народу. Пускай мода отражается на одеждѣ, на внѣшней сторонѣ жизни русскаго человѣка, но поэзія и пѣсня, въ которыя вложена историческая жизнь народа, должны остаться неприкосновенными отъ всего чужаго, наноснаго, какъ бы хорошо это чужое ни было. Наложить на русскую пѣсню цѣпи нѣмецкаго генералъ-баса, вставить ее въ рамку чужаго фасона — не значитъ ли остановить ея развитіе?

Начало русскаго пѣснопѣнія теряется въ глубокой древности. Поэты древнихъ временъ не знали ни правилъ стихосложенія, ни законовъ краснорѣчія, а тѣмъ менѣе размѣра; главною ихъ заботой было вѣрно изобразить воспѣваемые предметы и событія. А воспѣвали предки наши все: и домашній бытъ въ мирное время, собираясь вь досужные дни для пляски и игры, и военные подвиги своихъ героевъ во время битвъ, и чудеса сказочныхъ героевъ, и шумные пиры своихъ любимыхъ князей: Владиміра «краснаго солнышка», и грознаго царя Ивана Васильевича, и друг. Обрядовыя и хороводныя пѣсни—самыя древнія. Первыя приличествовали извѣстнымъ торжествамъ и пѣлись простымъ говоркомъ и протяжно; содержаніе ихъ было первоначально религіозное. Что же касается до хороводнаго пѣнія, то невозможно опредѣлить, къ какому вѣку относится начало его. До XII-го вѣка намъ мало извѣстно хороводныхъ пѣсенъ. Несомнѣнно, однако, что начало свое хороводы ведутъ со временъ языческихъ. Во-первыхъ, это показываетъ присутствіе во многихъ хороводныхъ пѣсняхъ именъ языческихъ божествъ: «А мы просо сѣяли, сѣяли, — Ой Дидъ, Ладо, — сѣяли, сѣяли», а во вторыхъ -- по мѣсту веденія старинныхъ игръ.

Доселѣ многіе хороводы водятся по близости кладбищъ и даже на самыхъ кладбищахъ. Всѣмъ извѣстно, что язычники, дѣлая празднества на могилахъ умершихъ предковъ, воображали, что ихъ умершіе родственники принимаютъ участіе въ ихъ пиршествахъ и что имъ пріятны ихъ чествованія съ угощеніемъ, играми и пляскою. Праздничные хороводы,—преимущественно тѣ, которые совпадали съ празднованіемъ нынче Иванова дня, Рождества Христова и «бабьяго лѣта», — самые древніе. Трудно достовѣрно сказать, откуда происходитъ и самое слово *хороводъ*. Многіе ученые производятъ его отъ греческаго слова χοροβανέω, т. е. *стою въ хорѣ*, или буквально χόρος — поющіе и пляшущіе и σωω — веду; другіе — отъ латинскаго слова: choros. Вѣрно ли, что это слово заимствовано у древнихъ? Не имѣло-ли оно самостоятельнаго происхожденія въ корнѣ своего языка и не затерянъ-ли только этотъ корень? Слово хороводъ и самое понятіе о хороводѣ существуетъ у всѣхъ славянъ: сербы и хорваты водятъ коло (kolo), литовцы (korohod) и т. д. Хороводы раздѣляются по временамъ года и въ прежнія времена строго соблюдался долженствующій порядокъ въ веденіи хороводовъ. На сколько серьезно относились къ веденію хоровода, видно ужъ изъ того, что старшія хороводницы издревле пользовались на Руси почетомъ въ своемъ кругу и ни одинъ праздникъ не обходился безъ ихъ вѣдома, безъ ихъ распоряженія. Различные хороводы исполнялись, какъ мы уже говорили, на приличествующихъ пѣснѣ и празднику мѣстахъ: на рѣкѣ, на дорогѣ, на лугу, на кладбищѣ, около лѣса. Для праздничныхъ хороводовъ встарину приготовлялись крашеныя яйца.

Первые по порядку хороводы — весенніе; они начинаются съ пѣнія кукушки и тянутся до времени лѣтнихъ полевыхъ работъ.

Встрѣча весны открывалась празднествомъ на могилахъ родителей, которыхъ ублажали, ожидая отъ нихъ въ награду *сытаго лѣта*. Позднѣе въ Москвѣ стали

праздновать въ этотъ день «красную горку» и первый весеній хороводъ на холмѣ, куда приносили закуски, хлѣбъ, пироги, былъ: «*А мы просо сѣяли*». Въ этотъ день молодцы высматривали невѣстъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ весну изображали въ видѣ деревянной куклы, которую дѣвушка выносила на середину хоровода. Въ иныхъ мѣстахъ куклу эту звали *ласточкой* и такъ и величали ее въ пѣснѣ, а въ средней полосѣ Россіи звали ее *костромой*. Послѣднее названіе сохранилось и доселѣ, — водить весенніе хороводы и до сихъ поръ называется *величать кострому*.

Въ Пензенской губерніи костромой назывался другой обрядъ — обрядъ купанья красныхъ дѣвушекъ въ Троицынъ день. Дѣвушки поочередно носили другъ друга на носилкахъ на рѣку, или на прудъ, а когда всѣ перекупаются, шли заплетать березы. Мужчины же дѣлали соломеннаго болвана и въ полночь уносили его въ поле, гдѣ дѣлали надъ нимъ палатку. На другой день вокругъ этой палатки плясали и водили съ дѣвушками хороводы; затѣмъ шли на могилы родителей и убирали ихъ свѣжимъ дерномъ. Въ Ярославлѣ подобныя гулянья назывались *солонина*, а въ Костромѣ и Твери *ярилы*. Заканчивались весенніе хороводы послѣ Троицына дня сожиганіемъ костромы, а въ другихъ мѣстахъ кострому, то-есть весну, хоронили. Дѣлалось это такъ: берутъ опять ту-же куклу и послѣ заключающихъ весну пѣсенъ поручаютъ дѣвушкѣ схоронить кострому, такъ чтобы мѣсто, куда она заброшена, не было никому, кромѣ ея, извѣстно. Послѣ того какъ весну схоронятъ, пѣсни весеннія болѣе не поются.

Всѣ хороводы, какъ-то: петровскіе, ивановскіе и другіе, имѣютъ свои особенности. Ивановскіе начинались купаньемъ и прыганьемъ черезъ костры при пѣніи купальныхъ пѣсенъ. Въ полночь (этотъ обычай сохранился и донынѣ) отправлялись отыскивать цвѣтъ папоротника, который, по повѣрью народному, цвѣтетъ только въ эту ночь, и на мѣстѣ найденнаго цвѣта папоротника выры-

вали клады. Вѣдьмы тоже бродятъ въ эту ночь, обираютъ цвѣтъ, пугаютъ и показываютъ всякіе ужасы тѣмъ дерзкимъ, которые осмѣливаются тягаться съ ними въ отысканіи чародѣйнаго цвѣтка. Этотъ праздникъ остался отъ языческихъ временъ. Еще игуменъ Елеазаръ писалъ къ князю Дмитрію Ростовскому объ уничтоженіи этого обычая, а между тѣмъ праздникъ этотъ празднуется подобнымъ образомъ не въ одной Россіи. Въ Германіи (не говоря о славянскихъ земляхъ, гдѣ онъ празднуется повсемѣстно) онъ соединенъ съ подобными же суевѣріями. Для зажиганія костровъ добываютъ огонь изъ сухаго дерева и начинаютъ прыгать черезъ костры не только сами, но гоняютъ черезъ нихъ и скотъ. У южныхъ славянъ есть повѣрье, въ которое народъ глубоко вѣритъ до сихъ поръ, *что солнце нѣсколько разъ останавливаетъ свой путь въ этотъ день, и день дѣлается длиннѣе.*

Петровскіе хороводы начинаются съ вечера и продолжаются до восхода солнца. Ихъ непремѣнные спутники — качели. Семеновъ день (когда этотъ день былъ первымъ днемъ въ году) сходились праздновать на посидѣлкахъ и играли въ игры по домамъ. Въ Кіевской губерніи до сихъ поръ осталась въ народѣ поговорка: «*а вотъ, когда женимъ Семена*» (отъ Семенова дня), самый же праздникъ назывался «семенинами». Къ этому же времени подходитъ празднованіе и бабьяго лѣта — праздника, извѣстнаго всѣмъ славянамъ. Этотъ напоминаетъ мнѣ празднованіе во Флоренціи и въ другихъ городахъ Италіи *праздника сверчковъ* въ самый день Вознесенія Господня. Этотъ обычай теряется во временахъ языческихъ, и трудно рѣшить, почему онъ совпадаетъ съ христіанскимъ праздникомъ. Незадолго до праздника бѣдные люди и преимущественно дѣти ловятъ сверчковъ и сажаютъ ихъ попарно въ клѣточки. Послѣ полудня Кашины (общественный садъ во Флоренціи) наполняется публикой въ экипажахъ, украшенныхъ цвѣтами и запряженныхъ нерѣдко пятью-шестью парами цугомъ, а также и пѣшеходами въ праздничныхъ нарядахъ. Всякій изъ публики считаетъ себя обязаннымъ купить одну или двѣ

пары сверчковъ, которыхъ потомъ выпускаетъ въ комнатахъ на волю, и всѣ дома одновременно оглашаются щелканьемъ сверчковъ. Черезъ три-четыре дня ихъ снова ловятъ и убиваютъ.

Передъ празднованіемъ бабьяго лѣта тоже дѣвушки ловятъ мухъ и таракановъ и въ самый день праздника хоронятъ ихъ въ садахъ и огородахъ подъ деревьями или кустами, въ гробикахъ, сдѣланныхъ изъ береста или щепочекъ. Въ этотъ день—смотрины невѣстъ и жениховъ.

Капустинскіе хороводы бываютъ, когда рубятъ капусту. Парни заманиваютъ дѣвушекъ гостинцами; эти хороводныя игры—новѣйшія. Но едва ли не интереснѣе всего празднованіе «колядокъ». Коляду мы заимствовали отъ славянъ, бывшихъ подъ римскимъ владычествомъ, а тѣ заимствовали коляду отъ римскихъ календъ, которыя праздновались ежемѣсячно въ честь бога въ двухъ лицахъ — Януса. У насъ же коляда начала совершаться въ честь Дажбога и Перуна, передъ которыми неистово кричали и плясали, принося имъ въ даръ золото и драгоцѣнности. Пѣсня «*Ужъ я золото хороню*», нынче гадальная святочная, заимствована изъ этого древняго обычая приносить въ даръ золото. Позднѣе, во времена тоже еще языческія, русы славили этимъ праздникомъ Коляду: такъ назывался богъ торжества и мира. День ихъ празднованія совпадаетъ съ 24-го декабря. Колядованіе въ сѣверной Россіи почти совсѣмъ вывелось, но въ Малороссіи до сихъ поръ существуетъ. Колядуютъ нищіе, дѣти и молодежь; послѣдняя ради шутки. Дѣлается это такимъ образомъ: передъ Рождествомъ достаточные люди дѣлаютъ изъ свиныхъ кишокъ колбасы «*холядесъ*», а менѣе достаточные ходятъ колядовать вечеромъ въ сочельникъ подъ окнами, выпрашивая колбасъ. Вотъ образецъ колядовской пѣсни:

Шедрикъ, ведрикъ,
Дайте вареникъ,
Грудочку кашки,
Кильцо килбаскы.

Послѣ выпрашиванія килбаскы и даже денегъ колядующіе прославляютъ хозяевъ и поютъ другія колядовскія пѣсни. Напр.:

Коляда, коляда!
Пришла коляда
Наканунѣ Рождества.
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всѣмъ по дворамъ, по проулочкамъ.
Нашли коляду
У Петрова-то двора.
Петровъ-то дворъ — желѣзный тынъ;
Среди двора три терема стоятъ:
Въ первомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Въ другомъ терему красно солнце,
А въ третьемъ терему частыя звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ — Петръ, сударь
Свѣтъ Ивановичъ;
Красно солнце Анна Яковлевна;
Частыя звѣзды — то дѣти ихъ.
Здравствуй, хозяинъ съ хозяюшкой
На многіе вѣки, на долгія лѣта!

По Дунаю, по рѣкѣ,
По бережку по крутому,
Лежатъ гусли неналаженныя.
Коляда!

Наладить гусли
Зензевею Андреяновичу.
Коляда!

Зензевея дома нѣтъ:
Онъ уѣхалъ въ Царь-городъ
Суды судить, ряды рядить.
Коляда!

Онъ женѣ-то шлетъ
Кунью шубу.
Коляда!

Сыновьямъ-то шлетъ
По добру коню.
Коляда!

Дочерямъ-то шлетъ
По черну соболю.
Коляда!

Пѣсни эти—великорусскія, но онѣ совершенно у насъ вывелись и даже самое понятіе о колядѣ утратилось; развѣ нѣкоторыя отрывочныя пѣсни остались только въ устахъ убогихъ стариковъ и старухъ. Въ Малороссіи же до сихъ поръ народъ вѣритъ въ существованіе бога *Коляды*, а также и сербы, и болгары. Настоящее колядованіе въ Малороссіи, а также и повсемѣстныя гаданья и игрища святочныя—все это остатки этого языческаго праздника въ честь Коляды. Обычай колядовать въ сочельникъ существовалъ также у всѣхъ западныхъ и южныхъ славянъ, а словаки и богемцы до сихъ поръ празднуютъ коляду и имѣютъ очень много колядовскихъ пѣсенъ. Сообщаю для примѣра извѣстную мнѣ словацкую:

Пасли овцы велесы
При Бетлемскомъ салашѣ.
Ангелъ ся имъ оказавъ,
До Бетлема разсказавъ:
Станьте горѣ и подьте,
Пана Христа найдете.
Найдете его въ ясличкахъ,
Повинута въ плѣночкахъ;
Марія го колебе,
«Нини, нини, нинички!
Спи, мой сынку, малечкій!»

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Богеміи, также какъ и въ въ Тиролѣ, до сихъ поръ празднованіе коляды сопровождаютъ торжественными процессіями и разыгрываніями представленій въ костюмахъ на улицахъ и въ домахъ. Сюжетъ представленій соотвѣтствуетъ празднику: являются три замаскированныхъ старика, изображающіе трехъ волхвовъ, явившихся на поклоненіе родившемуся Божественному Младенцу, а во многихъ мѣстахъ дѣлаютъ также статуи, изображающія Богоматерь и Младенца въ ясляхъ. Обычай зажигать въ сочельникъ свѣчи на ёлкѣ вытекаетъ изъ того-же источника, и первая зажженная свѣча означаетъ *звѣзду*, возвѣстившую о рожденіи Божественнаго Младенца. Вообще ни одинъ праздникъ не празднуется до сихъ поръ съ большею торжественностью, чѣмъ Рождество Христово, и никакія хороводныя пѣсни и игры въ привлекательности и занимательности не могутъ тягаться съ рождественскими обрядовыми, гадальными, игральными, подблюдными и ихъ родоначальными языческими колядовскими. Ряженые играли весьма важную роль въ эти торжественные дни и угощались не менѣе дорогихъ званыхъ гостей. Медвѣдь, коза, слѣпой Лазарь, бойцы—все это имѣло свое мѣсто и свой почетъ и не было лишнимъ нигдѣ, начиная съ пышныхъ великокняжескихъ хоромъ. Почетная сваха заправляла играми и ворожбой. Игры всѣ вертѣлись на отгадываніи судьбы. Начиналось такъ: нянюшка-мамушка приносила нѣсколько кусочковъ хлѣба, соли и три уголька, а сваха запѣвала первую пѣснь: «*Хлѣбу да соли*», причемъ опускала эти вещи въ блюдо; всѣ подтягивали свахѣ и клали въ блюдо свои вещи. Потомъ, при пѣніи подблюдныхъ пѣсенъ гадающія дѣвушки вынимали изъ накрытаго блюда положенныя туда вещи, а сваха объясняла ихъ значеніе. Припѣвъ пѣсни, спѣтой каждому гадающему, слѣдующій:

Да кому мы спѣли, тому добро.
Слава!

Кому вынется, тому сбудется.
Слава!

Скоро сбудется, не минуется.
Слава!

Послѣднее вынутое кольцо означало замужество. Въ Вологодской губерніи въ блюдо кладутъ въ узелочкахъ хлѣбъ, уголь и золу, а гадающіе дѣлаютъ изъ полотна или изъ полотняныхъ вещей разныя фигуры—дѣтей, птицъ, звѣрей и т. п.—и опускаютъ эти вещи въ блюдо, затѣмъ поютъ подблюдныя пѣсни, притопывая ногой при концѣ каждаго стиха, и по окончаніи пѣнія вынимаютъ вещи изъ блюда, предварительно завязавши глаза. Когда всѣ вещи вынутся и останется одно послѣднее кольцо, *то его хоронять.* Дѣлается это такъ: та дѣвушка, которая вынула послѣднее кольцо, должна обойти всѣхъ дѣвушекъ и незамѣтно положить которой-нибудь изъ нихъ въ руки кольцо, а когда это кольцо нѣсколько разъ перейдетъ изъ рукъ въ руки,—отгадать, у кого оно. Когда она отгадаетъ, игрѣ конецъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многія подблюдныя пѣсни перешли къ намъ изъ Греціи. У грековъ была игра и пѣсня по имени *клидона*, въ которую играли всѣ желающіе узнать будущее, и не одна молодежь, а также замужнія женщины. Точно также въ сосудъ клались вещи и вынимались при пѣніи пѣсенъ, рѣшавшихъ судьбу, судя по вынутой вещи. Припѣва «слава» у пѣсенъ въ Греціи не было.

Въ то время, какъ богатые собирались по домамъ, бѣдный людъ потѣшалъ уличную публику чудовищными и шутовскими нарядами и выходками. Эти святочные потѣшники во многихъ мѣстахъ назывались «окрутниками». Пробираясь на городскія улицы, они выглядывали свѣчи на окнахъ домовъ, что было знакомъ приглашенія имъ зайти въ домъ позабавить честныхъ гостей. Въ Полтавской губерніи святки назывались (и доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранилось это названіе) субботками, что очень напоминаетъ чешское слово: sobota,

sobotnik, означающее святки. Тамъ святками распоряжается скромная вдовушка, у которой собираются всѣ дѣвушки. По срединѣ комнаты виситъ фонарь, въ который каждая дѣвушка, входя, вставляетъ свою свѣчку. Участь каждой дѣвушки рѣшается судя потому, какъ горитъ свѣча одна сравнительно съ другой. Прежде, говорятъ, на этихъ вечерахъ не участвовалъ замужній людъ, а только молодежь; теперь-же могутъ присутствовать всѣ.

Складъ старинныхъ пѣсенъ, безъ сомнѣнія, постепенно измѣнялся, и едва-ли какая-либо пѣсня дошла до насъ въ первоначальномъ видѣ. Размѣръ старинныхъ стиховъ былъ слоговой и преимущественно хореическое окончаніе, также какъ и въ позднѣйшихъ пѣсняхъ.

1) А мы | просо | сѣяли (bis).

Это—дактило-хореическій.

2) Заплети | ся плетень | заплетися.

Это—трехстопный анапестъ. Окончаніе—хореическое.

3) Во полѣ бе | реза сто | яла.

Это—пеонъ трехстопный. Окончаніе—опять хореическое.

4) Какъ на горѣ | калина.

Пеонъ двухстопный. Первый стихъ 2-го пеона, 2-й—пеонъ и дактиль.

5) Что подъ дере | вомъ такимъ, ахъ!

Опять двухстопный пеоническій размѣръ, а окончаніе—хореическое.

6) Какъ у насъ | во деревнѣ.

Двухстопный анапестъ, опять хореическое окончаніе.

7) По го | рамъ, го | рамъ, | по крутымъ | го | рамъ!

Анапестическій хорей.

8) Противъ жар | каго солнца.

Анапестъ, окончаніе хореическое.

Чтобъ открыть исконную старину нашего пѣнія, не мѣшаетъ коснуться древняго духовнаго напѣва. Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ покойнаго князя Одоевскаго, что между древнѣйшими пѣснями и старинныиъ церковнымъ крюковымъ пѣніемъ есть связь, и связь весьма тѣсная, что духовное пѣніе только обособилось отъ свѣтскаго, а начало — одно, корень одинъ. *Происхожденіе* церковныхъ мелодій изъ Греціи сомнительно. Случайно же заимствованныхъ мелодій, вслѣдствіе столкновеній съ другими народами, переселенія народовъ, подданства и т. д., не мало; но тутъ-то изъ сродства старинныхъ пѣсенъ двухъ отдаленныхъ народовъ видно опять-таки тождество корня нашихъ свѣтскихъ и духовныхъ пѣсенъ. Такъ, наша *хороводная* пѣсня, нѣкогда *обрядовая* — «Мы просо сѣяли» — имѣетъ напѣвъ, до сихъ поръ существующій въ Индіи, въ гимнахъ Брамѣ; наша «Слава» тоже былъ прежде религіозно-обрядовый гимнъ и отчасти заимствованъ изъ Греціи, также какъ и наша народная пѣсня «Во полѣ береза стояла». Съ точки зрѣнія народно-образовательной слѣдуетъ серьезно заняться источникомъ нашего пѣнія, но охотниковъ до этого труднаго дѣла мало. Публика наша такъ мало еще знакома не только со славянскою, но даже и съ русскою пѣснею, да и не мудрено: давно ли стали считать нужнымъ ввести изученіе ея, хотя поверхностное, въ програму нашего образованія. Мудрено ли и то, что мы, при такомъ образованіи, сдѣлались отщепенцами отъ народа, чуждыми его душевныхъ настроеній и всей обстановки его жизни, бѣдной внѣшностью, но богатой внутреннимъ содержаніемъ, и до того изолировались отъ народа, что создали себѣ музыку чуждую народу, паразиту на исторической почвѣ, и силой хотѣли заглушить слово, вопль, отповѣдь, вѣками лившіеся изъ устъ великана-народа. Теперь еще, когда мы стремимся вернуть утраченное, мы не можемъ не сознаться, что *нашему русскому уху* иногда *фальшиво* звучитъ иное слово въ простонародной пѣснѣ, а вѣдь слова изъ пѣсни не выкинешь. Да, чтобы воспринять и прочувствовать каждое слово пѣсни, каждый

звукъ ея, нужно глубоко быть проникнутымъ уваженіемъ къ жизни народа, къ его традиціямъ, — понять и пережить душою всѣ радости и печали этой родной сермяги, подъ которой бьется неподкупное русское сердце.

Во всякомъ цивилизованномъ народѣ народная поэзія и пѣсня всегда составляли предметъ изученія. На Западѣ ее лелѣяли какъ младенца, изъ котораго выростетъ человѣкъ, — ее лелѣяли для народнаго сознанія, для развитія національнаго чутья, для самопознанія. «Познай самого себя», тогда разовьется способность познавать другихъ. Можно ли безъ знанія азбуки изучать литературу? Познаемъ же свою музыкальную азбуку и тогда займемся музыкальною философіей. Поэтому, заботясь о развитіи народной поэзіи и пѣсни, мы не идемъ противъ музыкальнаго классицизма, — напротивъ, мы приготовляемъ для его представителей прочные матеріалы для классической разработки. Честь тѣмъ посредникамъ между народомъ и высшимъ обществомъ, которые открываютъ передъ послѣдними сокровищницу, изъ которой можно черпать богатство народное, добывать пищу для вдохновенія. Познаемъ же самихъ себя, свое родное творчество въ связи съ тѣсно связаннымъ съ нами славянскимъ міромъ. У южныхъ славянъ историческіе дѣятели неразлучны съ пѣсней: всякое совершающееся историческое событіе идетъ рука объ руку съ произведеніемъ самобытной народной поэзіи.

Достоинство славянскихъ мелодій вообще давно признано въ музыкальномъ мірѣ, и многіе композиторы уже черпали изъ этого богатаго источника. Руская мелодія введена въ финалъ «Севильскаго Цирюльника», а польская — въ финалъ «Моисея»; во многихъ мѣстахъ «Донъ-Жуана» Моцарта слышатся чешскія мелодіи; въ квартетѣ Гайдена взята словацкая пѣсня и еще въ двухъ квартетахъ Бетховена наши русскіе напѣвы, а въ его же концертѣ для скрипки знаменитая чешская пѣсня «Hого, horo, visoka jsi». Пріятно, но странно, неожиданно звучатъ эти мелодіи въ обработанныхъ иностранныхъ музы-

кальныхъ произведеніяхъ. Слышно, что онѣ тутъ чужія, залетныя.

Что значитъ элементъ національности! Въ мелодіяхъ славянскихъ намъ, русскимъ, сжившимся съ народною жизнью, звучатъ родныя струны, точно это наши родныя, наши собственныя пѣсни, только давно забытыя нами, утерянныя преданіемъ.

Не лучше ли сказывается въ пѣснѣ единство славянскихъ племенъ? Человѣкъ, даже не посвященный въ тайны народной поэзіи, слушая пѣсни разныхъ славянскихъ племенъ чувствуетъ ихъ родство, ихъ происхожденіе изъ одной среды, — сознаетъ, что онѣ принадлежатъ *одному народу*. Изученіе славянскихъ мелодій такимъ образомъ вводитъ насъ въ родную среду, не изгладившуюся изъ нашего сердца. Бытъ и нравы всѣхъ славянскихъ племенъ имѣютъ, кромѣ своихъ отличительныхъ чертъ, общую всему славянскому міру печать, одинъ духъ животворитъ ихъ пѣсни. Общія ихъ черты, вѣроятно, составляли элементъ первональной народной поэзіи, родоначальницы разрозненныхъ нынѣ племенъ; а частныя черты — это плоды позднѣйшаго самостоятельнаго развитія каждаго племени. Даже существуютъ такія пѣсни, которыя поются почти безъ всякаго различія у русскихъ и у какого-нибудь другаго славянскаго племени; напримѣръ, «Лучинушку», нашу коренную, мы можемъ встрѣтить въ Галиціи, и никто не увѣритъ галичанина, что это не его природная пѣсня.

Музыкально-народное движеніе замѣтно въ настоящее время усиливается во всѣхъ славянскихъ земляхъ; повсемѣстно образуются общества или бесѣды, гдѣ фигурируетъ народный хоръ (sbor). У южныхъ славянъ движеніе это сравнительно слабо, но уже присутствіе въ Сербіи, Герцеговинѣ и Босніи оригинальнаго акомпанимента на гусляхъ показываетъ развитіе музыкальныхъ инстинктовъ. Въ Бѣлградѣ есть даже общество любителей народнаго пѣнія. Въ Загребѣ существуетъ обширное общество «Коло», которое развѣтвляется по всему Тріединому королевству. Въ 1864 году былъ знаменитый съѣздъ

всѣхъ обществъ этого края въ Загребѣ. У лужичанъ общество музыкальное называется «Lumir», а въ Прагѣ «Hlahol», которое руководитъ музыкальными обществами всей Чехіи. Ни что болѣе этихъ обществъ не служитъ національно-патріотическимъ цѣлямъ.

Въ земляхъ, несшихъ, или несущихъ на себѣ чужеземное иго, постороннее вліяніе незамѣтно вкрадывается въ народное творчество. Но есть извѣстныя данныя, которыми руководствуются, чтобъ отличить самобытныя мелодіи отъ вышедшихъ изъ подъ чужаго вліянія. Начнемъ съ чеховъ, народная поэзія и пѣсня которыхъ болѣе всего пострадали отъ нѣмецкаго вліянія. Въ 1620 году Австрія наложила цѣпи на свободу чеховъ послѣ битвы при Бѣлой-Горѣ: «Horo, horo! horo bila!. na tia shnila nacha sila!» Это былъ послѣдній вопль народа, свободѣ котораго пришелъ смертный часъ. Пѣсни чешскія до эпохи Бѣлой-Горы носятъ характеръ вполнѣ народный; онѣ никогда не выходятъ изъ послѣдовательныхъ семи тоновъ, изрѣдка до девяти нотъ. Амбрашъ, извѣстный изслѣдователь, раздѣляетъ ихъ на двѣ категоріи: первая носитъ отпечатокъ духовный, и мелодія пѣсенъ этой категоріи мрачна и величественна. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ ея сохранились на пергаментѣ и доселѣ поются въ церквахъ, по праздничнымъ днямъ, всею массой народа, напримѣръ, «Тешмесе благоу надѣи». Вторая носитъ характеръ свѣтскій и имѣетъ напѣвъ легкій, текстъ веселый. Первыя пѣсни — эпическія, вторыя лирическія. Эпическія порождены историческою жизнью народа, а лирическія — его свободнымъ домашнимъ бытомъ. Пѣсни же, сложившіяся послѣ Бѣлой-Горы постепенно до нашего времени, все болѣе и болѣе утрачиваютъ свой національный характеръ и регистръ ихъ уже постепенно выходитъ изъ девяти нотъ. Всѣ онѣ, преимущественно тѣ, которыя написаны вскорѣ послѣ событія Бѣлой-Горы, грустнаго, тяжелаго напѣва и выражающаго отчаяніе содержанія, такова пѣсня «Боже муой». Пѣсни же: «Лука широка», «Старался худый съ худоу», «Хитились лосося» и другія старыя бытовыя пѣсни — счастливаго, независимаго времени. Эпическія старинныя

пѣсни всѣ имѣютъ свою исторію. Возьмемъ для примѣра самую чудную и интересную изъ нихъ «Teshme se blahou nadeji». Приведемъ слова ея въ русскомъ переводѣ: «Мы ласкаемъ себя счастливою надеждою, что возвратится золотое время, когда снова передъ нами заяснѣютъ чешскія горы и услышимъ мы чешскій разговоръ. Будемъ же всѣ носить чешскую національную одежду, будемъ отстаивать храбро наши древніе обычаи. Право наше сильно въ глазахъ всѣхъ.» Припѣвъ: «Возлюбимъ другъ друга, не поддадимся врагу. Пойдемъ драться, но прежде напьемся» (причастимся). Мелодія этой половины воинственная. Затѣмъ слѣдуетъ молитва: «Аминь. Подай намъ, Господи! Заступись за насъ ты, святой Вячеславе, воевода земли чешской!» Это чисто напѣвъ церковно-торжественный. Къ нему опять припѣвъ: «Возлюбимъ...» и т. д. Второй куплетъ: «До тѣхъ поръ, пока кровь отцовъ нашихъ бьется въ нашихъ жилахъ, пока горитъ жаръ въ груди нашей, не оскудѣетъ рука наша и не погибнетъ чешская слава. Бѣлый левъ нашъ поднимаетъ голову, а мы, какъ медвѣдь въ лѣсу, будемъ играгь съ врагами. И запляшетъ онъ у насъ, а мы будемъ пѣть ему: возлюбимъ другъ друга...» и т. д. Затѣмъ опять молитва: «Аминь» и т. д. и опять въ заключеніе: «Возлюбимъ» и т. д.

Эта пѣсня принадлежитъ XV столѣтію, т.-е. времени Іоанна Гуса, и состоитъ, какъ мы указали, изъ двухъ частей: изъ хорала: «аминь» и т. д., отъ котораго вѣетъ строгимъ характеромъ гуситскаго благочестія,—и изъ двухъ стиховъ съ припѣвомъ. Выраженіе «напьемся» относится къ одному изъ догматовъ гуситскаго ученія. Іоаннъ Гусъ, какъ это извѣстно, требовалъ для своихъ вѣрныхъ причащенія въ обоихъ видахъ, т.-е. хлѣбомъ и виномъ. Табориты при Жижкѣ и Прокопѣ Великомъ носили передъ своими полчищами чашу и ихъ воинскій крикъ былъ: «чашу всѣмъ!» Это понималось двояко: въ смыслѣ религіознаго, а также и демократическаго протеста. Слово «напьемся» въ гуситской пѣснѣ относится къ этому обстоятельству. При исполненіи этой пѣсни чувствуется

въ иныхъ переходахъ подлогъ мелодіи начальной по отношенію къ хоралу, и это обьясияется тѣмъ, что одинъ только хоралъ сохраненъ на пергаментѣ и понынѣ, а остальное возобновлено. Случилось это такъ: въ пражскомъ замкѣ, въ архивѣ при каплицѣ Святаго Вячеслава, или, по-чешски, Вацлава, сохранялись древнія рукописи, между прочимъ и многія гуситскія пѣсни. Во времена Владислава архивъ сгорѣлъ и только немногія рукописи уцѣлѣли вполнѣ, большинство же обгорѣло. Въ числѣ уцѣлѣвшихъ извѣстны: «Хоралъ Св. Войцѣху X столѣтія, гуситская пѣсня: «Dož jeste boži bojovnici» а отъ пѣсни Teshme se blahou nadeji XV столѣтія уцѣлѣлъ одинъ хоралъ: «Amen, rač to Bože dati»; начальные же стихи и припѣвъ на половину обгорѣли. Надо было возстановить утраченныя строки, и занялся этимъ Кровъ, чешскій композиторъ. Онъ отправился въ мѣстечко Роуднице, гдѣ исповѣданіе гуситовъ сохранилось еще втайнѣ, и провѣрилъ сохранившуюся отъ пожара часть рукописи по голосу народа. Убѣдившись, что разницы никакой нѣтъ, онъ записалъ тогда утраченную часть по народному голосу и распространилъ затѣмъ эту пѣсню между народомъ въ Прагѣ. Въ такомъ видѣ пѣсня сохранилась и до сего времени. «Боже муой», словенская пѣсня, относится ко времени тотчасъ же послѣ Бѣлой-Горы; характеръ ея грандіозный, мрачный, напѣвъ величественно-церковный. Воинственнаго въ пѣснѣ этой ничего нѣтъ, а слышится въ ней отдаленная гроза подспудной народной буди, готовящейся только еще въ угнетенномъ, не видящемъ передъ собою исхода, племени и подготовляющей въ будущемъ энергическій протестъ. Кровью народа написаны въ ней жалобы дважды угнетеннаго словенскаго племени противъ своихъ *владыкъ*, но все-таки отъ начала до конца слезы отерты чувствомъ безконечнаго христіанскаго терпѣнія: «Však mi budem v sire seme srovnani!» Чувство, производимое этою пѣсней, потрясающее. «Gde domov muj», чешскій народный гимнъ, отъ котораго должно было бы ожидать многаго, далеко не проникнутъ народнымъ духомъ; впрочемъ, изъ всѣхъ славянскихъ народ-

ныхъ гимновъ едва ли не одинъ только сербскій «Padо ide» и отчасти черногорскій «Onamo» (хотя онъ сочиненъ только нѣсколько лѣтъ тому назадъ княземъ Николаемъ черногорскимъ, но совершенно въ духѣ народномъ) носятъ характеръ близкій къ своему народу; остальные же внѣ всякой почвы. Мелодія гимна «Gde domov muj» преимущественно передъ другими носитъ характеръ германскій, и кудреватость слога мало шевелитъ національное чувство, ибо не вытекаетъ изъ него. Вотъ слова его: «Гдѣ ты, моя родина? Гдѣ ручьи бѣгутъ въ горахъ, гдѣ зеленѣетъ лѣсъ по скаламъ, гдѣ весной цвѣтущій садъ, а на взглядъ земной рай? Тамъ, въ той прекрасной землѣ, землѣ чешской, моя родина! Гдѣ моя родина? Знаешь ли ты благословенный край, гдѣ живутъ люди съ нѣжной душой въ сильномъ тѣлѣ, гдѣ родятся и осуществляются свѣтлыя мосли, но *гдѣ силѣ народа противодѣйствуютъ?* Тамъ славное племя чеховъ, а среди чеховъ — моя родина!» Фраза «силѣ народа противодѣйствуютъ» лишена всякаго смысла и не производитъ должнаго впечатлѣнія, такъ какъ во всемъ гимнѣ, кромѣ похвалъ мѣстности Чешской земли ничего не видно: нѣтъ ни борьбы, ни силы, которой можно противодѣйствовать, ни самаго этого противодѣйствія, а самохвальное довольство собой. «Бивали чехове» хотя написана въ позднѣйшее время, но носитъ характеръ сильный, воинственный, напоминающій періодъ до Бѣлой-Горы. Это — отголосокъ прежняго доблестнаго времени, это панегирикъ не самимъ себѣ, а прежнимъ героямъ, смѣшанный съ горькимъ чувствомъ настоящаго своего ничтожества и безысходности. Тутъ есть мысль, и мысль глубокая: воскресить въ памяти каждаго чеха золотое время чешской славы, вдохновить ихъ этимъ представленіемъ и пристыдить ихъ за ихъ настоящую слабость.

«Весь свѣтъ зналъ, какіе были чехи! А нынче?... Чехи! гдѣ вы? Зачѣмъ измѣнились вы такъ?... Дайте изъ среды васъ такихъ героевъ, какіе были прежде, и стремитесь къ самостоятельности и славѣ своего отечества!» Къ характеристическимъ чешскимъ пѣснямъ отно-

сится «Ja jsem Slovan!» Уже первый возгласъ: «Я славянинъ душою и тѣломъ» — заставляетъ дрогнуть сердце каждаго истиннаго славянина. Это звукъ призывнаго колокола. «Отъ широкой Эльбы (Лабы) до бурнаго Балтійскаго моря (Бальда) слованъ, т. е. славянинъ, имѣетъ братьевъ (Slovan tam sve bratri ma). А мы прибавимъ: отъ береговъ Чернаго и Средиземнаго морей до Урала и Балтійскаго моря всюду у славянина есть братья. Хорошо бы, еслибы дружба славянъ была настолько *тѣсна*, на сколько *обширны* границы ихъ земель... Образцомъ словацкихъ пѣсенъ возьмемъ чудную пѣсню «Aj, čo by bola drobna jatelinka». Эта пѣсня старая, семейная; это — стонъ, вопль покинутой любящимъ человѣкомъ дѣвушки. Легкость нравовъ была одной изъ отличительныхъ чертъ славянскаго характера. Содержаніе пѣсни слѣдующее: молодецъ сначала проситъ дѣвушку сберечь себя для него и, ожидая съ нетерпѣніемъ весны, когда назначена свадьба, восклицаетъ: «Aj šupaj, šupaj, drobna jatelinka (то-есть: рости, рости, мелкая травочка), hovaj, ti sia pro mnia, ma slata panenka» (береги себя для меня, моя золотая дѣвушка) и т. д. Она же отвѣчаетъ: «Какъ же измѣню тебѣ, когда тебѣ присягала моя душа — prisahala vernost na večnu večnost!» Когда же, наконецъ, подрастаетъ мелкая травочка, напрасно ждетъ она своего милаго и, чувствуя, что въ ея разбитомъ сердцѣ замираютъ послѣдніе стоны любви, она молитъ его со слезами: «Ach, spechaj, spechaj, na lico mne dichaj, dichaj, by sia usdrovila ot tvoho dichanja duša moja» (Ахъ спѣши, спѣши, на лицо мнѣ дыши, чтобы отъ твоего дыханья выздоровѣла душа моя...). Въ этой пѣснѣ два любящихъ существа сговариваются на совмѣстную жизнь; такихъ же сговорныхъ и свадебныхъ пѣсенъ, подобныхъ нашимъ русскимъ, нѣтъ ни у кого изъ славянскихъ племенъ, такъ какъ семейная жизнь ихъ народа вовсе не похожа на нашу русскую. У нихъ люди сходятся добровольно и принужденія въ бракѣ нѣтъ; отношенія между женихомъ и невѣстой и потомъ отношенія ихъ къ родителямъ обѣихъ сторонъ вовсе не похожи на наши. Дѣвушка сама рѣшаетъ свою участь,

сама сознательно обѣщаетъ беречь себя для своего милаго; а тамъ, гдѣ нѣтъ принужденія и насилія, всегда есть любовь и взаимность. А у насъ о любви въ бракѣ и помину нѣтъ у народа. Моравская пѣсня «Divča» по смыслу близко подходитъ къ этой и такъ же симпатична, какъ и она. Содержаніе ея — опять-таки союзъ двухъ любящихъ сердецъ. «Дѣвушка, дѣвушка, ласточка, — взываетъ юноша къ предмету своей любви, — я знаю тебя съ дѣтства; когда еще колебали тебя (качали въ люлькѣ), я полюбилъ тебя». Но тутъ измѣнницей оказывается дѣвушка; она отвѣчаетъ: «Юноша, юноша, ласточка, отпалъ ты отъ моего сердца (odpadls mi od srdečka), — какъ отъ сердца, такъ отъ ласки, какъ яблоко отъ вѣтки (jak to jabko od halúzky)». «Сложно, сложно!» хорватскій гимнъ сзываетъ на месть весь славянскій людъ. Если больше всего гнетъ чувствуется на Тріединомъ королевствѣ, то и отчаяніе ихъ равняется этому гнету. За то сербскій гимнъ «Pado idė Srbin u vojnice» — смѣлый и воинственный. Каждое слово дышетъ восторгомъ, съ которымъ сербъ идетъ на битву (vojnice) съ врагами.

Болгарскія пѣсни по своему содержанію однообразны и грустны, а по мелодіи напоминаютъ духовную музыку; это или вопли матери, провожающей сына на смерть, или плачъ объ украденной дочери, тоска о раззоренномъ врагами домашнемъ очагѣ, — однимъ словомъ, вѣчное опасеніе за судьбу дорогихъ сердцу, что такъ наглядно въ пѣснѣ: «Мать болгарина». Мало доставалось имъ радостей въ домашней жизни подъ тяжелымъ игомъ турокъ, и это отразилось на характерѣ народа, а характеръ перешелъ въ пѣсню. Черногорскія же пѣсни, напротивъ, воинственны, полны огня и ненависти къ врагу, — ненависти непреклонной, какъ сами горцы. Прекрасный гимнъ, положенный на музыку самимъ княземъ Николаемъ, прекрасно характеризуетъ это племя и имѣетъ политическое значеніе. «Туда, туда!... Тамъ, за горами, есть, говорятъ, разрушенный дворецъ моего царя былаго; тамъ, по разсказамъ, собирались нѣкогда молодцы-юнаки. Туда,

туда! Хочу взглянуть на Призренъ (городъ Новый-Пазаръ), тамъ мнѣ все родное... Я войду въ свой домъ... Туда манитъ меня древность... Мой долгъ идти съ оружіемъ въ рукѣ. И тамъ — о, тамъ, съ развалинъ царскихъ палатъ — я скажу врагу: «Прочь съ милаго огнища! Ты, зараза, прочь! Я не уйду, пока не уплачу тебѣ, врагу, свой долгъ, *нашъ* долгъ»... Скорѣй туда! Тамъ, за горами, есть, говорятъ, зеленый лѣсъ, въ тѣни котораго воздвигнутъ былъ святой пріютъ *Дечане*, гдѣ молитва принимается небомъ. Туда, тамъ! Тамъ, за горами, за голубымъ небеснымъ сводомъ, — земля Сербская, сербскія поля... поля битвы... Туда направимся, братья! Туда, туда! Тамъ, за горами, я слышу вопль растоптаннаго конями Юга... На помощь имъ, братья! На помощь, сыновья и отцы! На помощь, дѣти, отмстимъ за старика Юга, отца нашего, — это нашъ долгъ! Туда, туда!... Иступимъ остріе нашихъ орудій о ребра турокъ въ отмщеніе за старыя ребра нашего Богдановича и разсѣчемъ этой самой саблей цѣпи на рукахъ бѣдной райи (*райя* — такъ называются подданные Турціи христіане). Туда, туда, гдѣ за горами нашъ Милошъ (Милошъ Обиличъ). Туда! Душа моя обрѣтетъ покой лишь тогда, когда сербъ не будетъ рабомъ!»

Есть еще гимнъ, весьма распространенный во всѣхъ славянскихъ земляхъ и потому называемый общеславянскимъ: это — тоже призывный крикъ. Вотъ слова его: «Гей, славяне! еще не замолкла наша славянская рѣчь и будетъ жить въ насъ, пока бьется наше сердце! Пусть же живетъ духъ славянскій въ сердцахъ нашихъ во вѣки, пусть крѣпнетъ и противостоитъ адской злобѣ враговъ нашихъ! Кто посмѣетъ подавить нашу мысль и слово наше? Богъ далъ намъ эти дары. Пускай же враги наши въ количествѣ адскихъ демоновъ возстаютъ на насъ,—Богъ за насъ и погубитъ всѣхъ, кто противъ насъ».

Галицко-русскія пѣсни — что-то среднее между русскими и малороссійскими: рядомъ съ плавнымъ ритмомъ и задушевностью русской пѣсни въ нихъ сила страсти и причудливость мысли малороссійскихъ думокъ; но глу-

бины мысли ни тѣхъ, ни другихъ нѣтъ въ нихъ, — онѣ всѣ почти легкаго содержанія. Напримѣръ: «Стоитъ яворъ надъ водою» и «Ой тамъ, на гори», какъ и большинство ихъ пѣсенъ, легкіе очерки или комическіе эпизоды изъ будничной жизни, иногда-же просто отвлеченныя описанія извѣстной обстановки. Чтобы показать, какъ близокъ галицкій языкъ къ русскому, привожу одну пѣсню въ оригиналѣ:

Ой тамъ, на гори,
Мальовали маляры,
Мальовали черевычки,
Для хорошей молодычки,
Тай не знаты для котрый...

Ой мати-жь моя,
Позычь меня маляра;
Пойду соби выберу,
Черевычки выкуплю,
У млодаго маляра.

За то вполнѣ оригинальны и выразительны и по содержанію пѣсни сербскія. Диссонансовые переходы и заключительные аккорды на субдоминантѣ дѣлаютъ иногда невозможнымъ подчинить пѣсню какой-либо гаммѣ, какъ, напримѣръ: «Сунце ярко не сіяшь еднако!» — старинная пѣсня, временъ владычества турокъ. Эта пѣсня, а также и «Кало Перо» — мрачны и торжественны. Веселыя же пѣсни тоже всѣ, какъ галицкія, легкаго содержанія, напримѣръ «Дѣвойка се у древовцу купа». Замѣчательно оригинально сербское многолѣтіе. Оно не имѣетъ мелодіи, а идетъ протяжно сплошными аккордами, безъ модуляціи главныхъ голосовъ. Въ первый разъ оно уже поражаетъ васъ отсутствіемъ мелодіи и мрачностью характера, совершенною безпримѣрностью такого произведенія у кого-либо. Вотъ этотъ-то полудикій характеръ сербскихъ пѣсенъ составляетъ рѣзкій контрастъ съ пѣснями хорватскими; несмотря на одинъ языкъ, онѣ ничего не имѣютъ

общаго. Хорватскія пѣсни, вслѣдствіе вліянія ихъ музыкальныхъ сосѣдей, далеко не характеристичны по мелодіи, но зато чрезвычайно музыкальны: онѣ напоминаютъ итальянскія баркароллы, хотя-бы напр. пѣсня: «Oj talasi, mili, ajte, čamac dale moj teriajte», т. е. милыя волны, гоните мой челнокъ дальше, и т. д. Но, неоспоримо, самая богатая, самая нетронутая сокровищница — русскія народныя пѣсни, причисляя къ нимъ и украинскія думки. Послѣднія весьма разнообразны, полны юмора и самыхъ причудливыхъ оттѣнковъ въ переходахъ; мелодія ихъ, вслѣдствіе ранняго введенія инструментовъ, гибка, полна огня, страсти, но по глубинѣ мысли и цѣлости картины бытовой жизни далеко уступаетъ великорусской поэзіи и пѣснѣ. Нѣкоторыя малороссійскія пѣсни сохранились съ XII вѣка, напр. характеристическая пѣсня «У Кіеви на ринку пьють козаки горілку» — это полная драматизма и прелести легенда о происхожденіи цвѣтка Иванъ-да-Марья: двое сиротъ, братъ и сестра, разошлись, послѣ смерти родителей, въ разныя стороны на чужбину и, потомъ случайно встрѣтившись и не узнавши другъ друга, слюбились; когда же тайна открылась, они сами осудили себя на смерть. Ихъ похоронили въ одной могилѣ и изъ праха ихъ выросъ цвѣтокъ двухцвѣтный, который по имени ихъ названъ «Иванъ-да-Марья». «Повстала Украина»—пѣсня временъ Іоанна Грознаго—носитъ чисто-воинственный характеръ; это типъ козацкой пѣсни. «Скигле чайка»—есть плачъ о потерянной независимости Украйны; эта уже изъ позднѣйшихъ пѣсенъ. Она заключается энергическими жалобами: «Не вернетця Украина, не придуть гетмани, не покріють Украину червенни жупани?» Кромѣ періода пѣсенъ украинскихъ есть пѣсни временъ владычества пановъ-ляховъ; это было едва ли не самое тяжелое время для Малороссіи. Кромѣ того, въ Малороссіи много пѣлось, и поется нынѣ еще нищими, стиховъ духовнаго напѣва и содержанія; это просто цѣлая священная исторія въ пѣсняхъ: поется и объ Адамѣ и Евѣ, и объ искушеніи діавола, и о Дѣвѣ Маріи и т. п.

Позднѣйшія пѣсни—всѣ изъ быта народнаго; къ послѣднимъ относятся пѣсни чумацкія, а равно и колядовскія. Вліяніе Россіи вовсе не отразилось на пѣсни малороссійской, но за то русскія коренныя народныя пѣсни цѣликомъ поются во многихъ губерніяхъ, даже Харьковской и Полтавской. Этимъ обязаны русскимъ плотникамъ, которые съ сѣвера отправляются на заработки во всѣ стороны и разносятъ за собой и русскую пѣсню. Чѣмъ же богаче другихъ славянскихъ племенъ наша русская поэзія и пѣсня? — Разнообразіемъ содержанія. Народная поэзія находится въ тѣсной связи съ исторіей народа; исторія же Россіи, преимущественно передъ другими славянскими государствами, богата событіями, и всѣ эти событія калейдоскопически отразились въ народной пѣснѣ. Преимущественно высоко-художественны русскія свадебныя пѣсни. Старинная эпическая пѣсня-былина отличается отъ позднѣе сложенной пѣсни, во-первыхъ, по содержанію: въ ней воспѣваются преимущественно герои дѣйствительные или сказочные, — и, во-вторыхъ, по напѣву. Напѣвъ былины самый монотонный и необширный по регистру; кромѣ того, былина всегда состоитъ изъ двухъ рѣзко разграниченныхъ частей: первая часть и есть самый разсказъ одного лица, а вторая — повтореніе слушателями сказаннаго съ выраженіемъ удивленія, восторга или одобренія разсказу. Былина съ теченіемъ времени начала измѣняться и потеряла свой отличительный характеръ, такъ что въ позднѣйшихъ былинахъ уже нѣтъ того замѣтнаго разграниченія, какъ въ старинныхъ. Въ такомъ видѣ она носитъ названіе *старины*, напр. «О Ермакѣ Тимоѳеичѣ», «О Бѣлокаменной Москвѣ», которая начинается такъ: «Зачиналась каменна Москва, зачинался въ ней и Грозный царь». Мало того, былина видоизмѣняется до того, что воспѣваетъ не однѣ доблести героевъ, но и отвлеченные предметы, что видно изъ знаменитой старины «о заморскихъ птицахъ», полной остроумія и юмора. Старина въ распространенномъ регистрѣ преобразовалась въ пѣсни. Пѣсни русскія раздѣляются на бытовыя, семейныя, разговорныя, бесѣдныя, шуточ-

ныя, полевыя, хороводныя, или игровыя, плясовыя, рекрутскія, обрядныя, величальныя, сговорныя, свадебныя, свадебно-шуточныя и завывальныя, къ которымъ относятся всѣ причитанія. Глубокая задушевность есть главная черта всѣхъ протяжныхъ пѣсенъ, неудержимая удаль — всѣхъ веселыхъ. Русскій человѣкъ все дѣлаетъ не въ мѣру — у него все или густо, или пусто — и эта черта тоже отразилась на пѣснѣ: онъ и ѣстъ, и пьетъ, и голодаетъ, и радуется, и печалится — все не въ мѣру; его широкая, размашистая натура не можетъ держаться въ узкихъ предѣлахъ нѣмецкой умѣренности и аккуратности. По нѣскольку дней лежитъ онъ на печи зимой отъ нечего дѣлать и не чувствуетъ скуки, но за то, когда онъ работаетъ лѣтомъ въ потѣ лица на полѣ, спросите его, чувствуетъ ли онъ усталость? Нѣтъ, онъ еще затягиваетъ свою безконечно-протяжную полевую пѣсню, видя захожденіе солнца, и сѣтуетъ на необходимость покончить на сегодня съ работой. «Зачѣмъ ты, зорюшка, потухла ранымъ-ранешенько! Зачѣмъ ты зашло, красное солнышко? Закатясь ты въ быстру рѣченьку, за лѣсъ спряталось. Не дала ты мнѣ, зорюшка, убраться съ поля-полюшка!» При звукахъ этой пѣсни передъ умственными взорами слушателя раскидываются обширныя поля, засѣянныя хлѣбомъ и орошенныя потомъ и кровью земледѣльца... И долго, долго слышится въ ушахъ послѣдній пропадающій звукъ, сопровождаемый по обыкновенію взмахомъ руки, который можно перевести такъ: «Э, да ну ихъ! Домой пора!» А у кого изъ славянъ найдете вы такую необъятную ширь, которая такъ ясно воспроизводится въ чудной пѣснѣ: «Ахъ, ты, степь моя, степь Моздокская, широко ты степь пораскинулась!» При звукахъ этой пѣсни дышется такъ полно, свободно и кажется, что нѣтъ конца ни степи, ни пѣснѣ... Безконечнымъ отчаяніемъ дышатъ рекрутскія пѣсни, — никто добровольно не идетъ на службу ратную, развѣ бобыль какой, такъ какъ приходится покидать семью, жену, малыхъ дѣтушекъ. И это безвыходное горе остающейся въ чужой семьѣ молодушки, отправляющей мужа съ боль-

шимъ отчаяніемъ, чѣмъ на смерть, эти напутственныя проклятія семьи — высказались въ пѣснѣ:

«Ужь никто-то по мнѣ, добромъ молодцѣ,
«Никто не потужитъ...
«Только тужитъ одна матушка,
«Мать родная...»

Молода жена добра молодца,
Добра молодца проклинаетъ,
Родъ и племя меня, добра молодца,
Добра молодца провожаетъ!...

Молодая жена хоронитъ свое горе и только въ пѣсню изливаетъ свое душевное настроеніе:

«Не сама-то я плачу, плачутъ оченьки,
«Плачутъ очи ясныя...
«По неволюшкѣ изъ глазъ слезы катятся!»

Разбирать подробно всѣ лучшія пѣсни взяло бы слишкомъ много времени и заняло бы нѣсколько томовъ. Возьмемъ на выдержку по одной изъ каждаго рода. Свадебныя и сговорныя пѣсни можетъ быть самыя прекрасныя изъ всѣхъ. Говоря о нихъ, невольно вспоминаешь чудную пѣсню: «Матушка, что во полѣ пыльно». Это разговоръ матери съ дочерью, родители которой уже *обѣщали* ее, а дочь и не вѣдаетъ про то. Ея безпокойное состояніе показываетъ однако, что она предвидитъ эту бѣду и, увидавши вдали на дорогѣ пыль, тревожно, но вмѣстѣ съ тѣмъ пытливо допрашиваетъ мать: «Матушка, что во полѣ пыльно?» И вотъ мать начинаетъ обманывать любимую свою дочь: — «Дитятко, кони разыгрались». — Но дочь не успокоивается: «Матушка, во дворъ гости ѣдутъ!... Въ горенку идутъ!... За столы садятся!...» Не находитъ мать въ умѣ своемъ другихъ словъ, кромѣ: — «Дитятко, не бось, не пужайся!» — Но

дочь все поняла. Молніей пробѣжала въ головѣ дѣвушки мысль о неизвѣстномъ будущемъ въ чужой семьѣ, далеко отъ дома: не пожалѣла ее родная матушка, продала во чужіе люди дочку милую, излюбленную. «Матушка, со стѣны образъ снимаютъ!... Меня благословляютъ!...» — уже, неудержно рыдая, вскрикиваетъ она. — «Мое дитятко, свѣтъ милое... Господь Богъ съ тобою!» — шепчетъ мать. Какая разница между этою пѣснью и сговорною словацкой «Ай чо бы бола». Въ послѣдней — свободная воля, самостоятельный выборъ, а тутъ — приневоливанье, рабство, страхъ неизвѣстности. Мать, любящая дочь, продаетъ ее, не считая нужнымъ имѣть ея согласіе на перемѣну жизни, и опытъ ея собственной судьбы не научилъ ее ничему, не остановилъ ея руки съ мечомъ надъ головой дочери. Вотъ это-то драматическое положеніе дѣйствующихъ лицъ въ пѣснѣ и придаетъ ей ту исключительную, обаятельную прелесть, тотъ художественный колоритъ, котораго нѣтъ и не можетъ быть въ пѣснѣ сговорной словацкой.

Разговорныя пѣсни очень распространены на сибирскихъ заводахъ и хотя на видъ кажутся наборомъ словъ, но имѣютъ въ дѣйствительности много скрытаго смысла. Одна изъ наиболѣе интересныхъ—это «Дрёма». Сидитъ, видите-ли, дрёма и дремлетъ и ничто не можетъ пробудить ее отъ дремоты. Ее будятъ: «Пора, дрёмушка, вставати, пора дрёмушкѣ играти!» Все напрасно. Наконецъ, ее посылаютъ къ дѣвицамъ: «Иди, дрёма, по дѣвицамъ, цалуй, дрёма, до любови, бери, дрёма, кого хочешь». Тогда она встрепенулась, но не надолго, и затѣмъ «снова дрёма задремала» и ничто не въ состояніи ее серьезно расшевелить... Не образъ ли это русскаго человѣка?

«Сударево дитятко», тоже разговорная пѣсня, какъ нельзя лучше изображаетъ русскую простонародную кумушку-побирушку, живущую Богъ вѣсть чѣмъ. Дѣтушекъ у нея семеро и ковригъ семеро... «Чѣмъ же будешь ты жить?» — спрашиваютъ ее. Но она не унываетъ: и ла-

потки будутъ, и все будетъ, — все люди дадутъ. — «Ну, а какъ люди не дадутъ?» — «Украду, украду, батюшка, украду, родименькій!» — «А воровъ-то у насъ больно бьютъ?—Убѣгу, убѣгу, батюшка, убѣгу, родименькій.

Какъ проста бытовая пѣсня «Спится мнѣ младешенькой», а какъ много говоритъ она сердцу! Правду сказалъ кто-то про нее, что она написана *слезами русской женщины*. Горька жизнь молодой бабы, оторванной отъ роднаго гнѣздышка, при условіяхъ замужества, изложенныхъ въ пѣснѣ: «Матушка, что во полѣ пыльно»... «Спится мнѣ младешенькой, дремлется!» И въ словахъ, и въ мелодіи столько нѣги, столько силы: это—сила сна для юной натуры, не въ конецъ еще забитой. Но противодѣйствіе этой силѣ живо является въ образѣ сердитаго свекора-батюшки, постукивающаго грозно по сѣничкамъ, и еще болѣе сердитой, неумолимой въ своемъ бабьемъ деспотизмѣ, свекрови-матушки, съ вѣчно несправедливымъ упрекомъ: «сонливая, дремливая, неурядливая!» Вотъ цѣлая картина русской семейной крестьянской жизни, полная слезъ и неподдѣльнаго чувства. Гдѣ же мужъ, жена котораго подвергается такому деспотизму отъ кровныхъ его отца и матери? Да вѣдь всякое понятіе — относительно, а въ крестьянской семьѣ это — не деспотизмъ, а настоящій порядокъ вещей, существующій и передающійся изъ рода въ родъ: мужъ въ отношеніи къ положенію жены передъ свекоромъ и свекровью ея играетъ пассивную роль, да и онъ самъ вѣчный несовершеннолѣтній, пока живетъ съ родителями и права голоса передъ ними *не долженъ имѣть*. Прерывается сонъ молодой бабы и тупо озирается она по сторонамъ, пока все ее безвыходное горе снова не придетъ ей на умъ. Промелькнетъ у нея въ умѣ воспоминаніе о счастливой жизни ея у себя въ деревнѣ, въ домѣ батюшки и матушки, когда она была въ дѣвушкахъ. Тамъ ее жалѣли, тамъ она была первой пѣвуньей и плясуньей, а теперь?... Гдѣ беззаботность и радости прежнихъ лѣтъ?... Горе, трудъ и горючія слезы живо изроютъ морщины на ея уже поблѣднѣвшихъ щекахъ. Это бабье влады-

чество свекрови до того невыносимо, что вызываетъ въ молодомъ, кроткомъ существѣ протестъ и порождаетъ тотъ отчаянный моментъ, когда молодая, полная жизни натура срываетъ цѣпи со своей свободы, или вѣрнѣе — со свободы своего сердца, и вся отдается чувству свободной любви... И снова тихъ и успокоителенъ ея сонъ, снова легко дышется ей и играетъ улыбка на ея полуоткрытыхъ губахъ, потому что она чувствуетъ, что не свекоръ-батюшка, не свекровь-матушка, а «милъ-сердеченъ другъ по сѣничкамъ похаживаетъ»... и тихо, нѣжно шепчетъ ей на ухо: «Спи, спи, спи ты, моя умница! Спи, спи, спи ты, разумница... Загонена, забронена, рано выдадена!»

Кто броситъ камнемъ въ женщину за то, что любви проситъ ея сердце?... Развѣ не любила бы она такъ своего мужа, еслибы его выбрало ея сердце, еслибы, наконецъ, онъ стоилъ любви? Эта пѣсня цѣликомъ просится въ драму, въ оперу, — зачѣмъ же пренебрегаютъ композиторы такими богатыми матеріалами? Пѣсня эта старинная, она должна была существовать, когда не было Россіи и Малороссіи; она распространена не только въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ Россіи (преимущественно въ Тверской), но и въ губерніяхъ Кіевской и Черниговской, гдѣ она поется съ слѣдующими малороссійскими словами, очень близко подходящими къ русскимъ:

1) Ой піду я у садочо̂къ,
Въ зеленій барвиночокъ,
Тай лягу спаты;
А свекоръ іде,
Тай буде мині:
«Сонливая, дремливая,
«Тай ще ледащая,
«Невістко моя».

2) Ой піду я у садочо̂къ,
Въ зеленій барвиночокъ,
Тай лягу спаты;

А свекорко ѝде,
Тай буде мині:
«Сонливая, дремливая,
«Тай ще ледащая,
«Невістко моя».

3) Ой піду я у садочо̂къ,
Въ зеленій барвиночокъ,
Тай лягу спаты;
А миленькій ѝде,
Тай хвалыть мене:
«Втомылася, хвалывая,
«Серденько мое!
«Тыхше, діты,
«Не гудіте
«И маты свою
«Не будіте,
«Нехай вона спыть».

Образцомъ свадебно-шуточныхъ пѣсенъ можетъ служить пѣсня: «Какъ на сватушкѣ кафтанъ изъ рогожи весь сотканъ, какъ на сватѣ сапоги всѣ дырявыи». Пѣсню эту поютъ дѣвушки, если сватушка на блюдечко положитъ имъ полушку, или пуговицу — для смѣха: если же онъ раскошелится и положитъ серебряную монету, то онѣ поютъ ему: «Какъ на сватушкѣ кафтанъ весь изъ золота сотканъ, какъ на сватѣ сапоги да сафьяновыи». Просто шуточныхъ пѣсенъ много, также какъ и уличныхъ, отъ которыхъ нельзя почти отдѣлить ихъ. Въ этихъ краснорѣчіе идетъ въ pendant къ представленію *райка*; это — краснорѣчіе иногда даже подвыпившаго краснобая, который въ трезвомъ видѣ держитъ языкъ за зубами, а тутъ и удержи на него нѣтъ: напримѣръ, «Что подъ деревомъ такимъ», Заиграй, моя волынка,» «Тпруська». Послѣдняя очень характеристична и замѣчательна тѣмъ, что М. И. Глинка взялъ мотивъ этой пѣсни для знаменитой «камаринской». Подъ эту пѣсню пляшутъ *трепака*. Что же касается до «Тереньки», то

ее скорѣе можно отнести къ бытовымъ, и хотя ея обладающій элементъ—юморъ, но она не лишена драматизма. Пѣсня эта съ недлиннымъ текстомъ и самой незатѣйливою мелодіей, но тѣмъ не менѣе положеніе дѣйствующаго лица весьма отчетливо передано въ ней, и положеніе весьма курьезное, такъ что бѣдный Теренька въ одно и то-же время возбуждаетъ и смѣхъ, и состраданіе. Хочетъ, видите ли, Теренька жениться. Чего бы, кажется, проще? Анъ не тутъ-то было. Рисуется въ его головѣ масса невеселыхъ картинъ: впереди всѣхъ встаетъ злая тетка Домна, которая *сама* женить его хочетъ. Наконецъ онъ рѣшается преодолѣть это препятствіе, какъ вдругъ ему страшно дѣлается за свою воображаемую еще супружескую жизнь, такъ какъ «нынче куры поютъ пѣтухами, а жены стали больше надъ мужьями». Передъ этимъ аргументомъ, говорящимъ противъ супружескихъ узъ, Теренька становится въ тупикъ, и безсмысленно бормочетъ: «Или, или? Да или-или?» То-есть *такъ* поступить, или *этакъ?* Этотъ однообразный припѣвъ до того характеристиченъ, что чувствуешь борьбу въ душѣ Тереньки, которая для него то-же Гамлетовское — «быть, или не быть».

Рабочія пѣсни доказываютъ, что какъ ни тяжела работа, но если она способна воодушевить человѣка, то гнета въ пѣснѣ не чувствуется — напротивъ, она полна юмора и игривости. Кто не знаетъ пѣсни «Ой, дубинушка, охни!» Поется эта пѣсня по всей Россіи, — вездѣ, гдѣ только есть плотничья работа, и спорится отъ этой пѣсни работа. Работа плотниковъ тяжела, но не лишена поэзіи. Когда же напрасны оказываются ихъ старанія стащить *бабу*, не повѣсятъ они носовъ, потому что запѣвало затянетъ безконечную «Дубинушку», и какъ дойдетъ до куплета: «Что ты, сваюшка, встала, аль на камушекъ попала», — глядь, ужь незамѣтно и подняли ребята упрямую бабу. Весело станетъ всякому, что прошла тяжелая минута, и начнутся подъ тотъ же напѣвъ прибауточки. Въ этой пѣснѣ свободная воля дается фантазіи и каждый силится перещеголять другаго краснорѣ-

чіемъ. Кого-кого не переберутъ они по косточкамъ: и бäръ, и макарьевскихъ мѣщанъ, и своего благочиннаго, потерявшаго тулупъ овчинный, и питерскихъ модистокъ (дѣвокъ модныхъ), и чернобровую Дуняшу. Припѣвъ «Ой, дубинушка, охни» какъ нельзя болѣе идетъ къ ударамъ топора, свисту пилы и стону обработываемаго лѣса. Впечатлѣніе этой пѣсни пріятное: слышна мощь и сознательно производительный трудъ. Стѣны предмѣстья Варшавы «Воля» пали при звукахъ пѣсни: «Ахъ на что бы огородъ городить»; при звукахъ же дубинушки должны бы были, по-нашему, пасть болѣе неприступныя стѣны, — до того эта пѣсня способна воодушевить всѣхъ. Не таково впечатлѣніе, оставляемое бурлацкою пѣсней: «Эй, ухнемъ! Еще разъ, еще разикъ!» Не сложна эта пѣсня, всего-то три или четыре стиха и припѣвъ «ай-да, да ай-да», но сколько глубоко-скрытаго смысла, затаеннаго горя, безвыходной печали слышится въ этой, повидимому малозначительной, пѣснѣ. Слушаешь ее и видишь передъ собой всю эту отдѣльную касту безпредѣльныхъ тружениковъ-паріевъ, этихъ людей-машинъ, для которыхъ единственная задача въ жизни *идти въ ногу*. Вотъ тянется лямка, перекинутая черезъ плечо этой полуобнаженной, измученной толпы, въ тактъ идущей пустыннымъ берегомъ Волги одинъ за другимъ. Солнце безжалостно печетъ обнаженныя головы бурлаковъ, опущенныя на грудь; босыя ноги уходятъ по колѣна въ сыпучій горячій песокъ, или вязнутъ въ землѣ, не обсохшей отъ разлива, а они все мѣрно, въ ногу, напряженно идутъ, идутъ... Думаютъ ли они, куда и зачѣмъ они идутъ?... Жалуются ли они, ропщутъ ли на судьбу?... Безполезно! Да и кому? — Всѣ идущіе въ той же вереницѣ чувствуютъ то же и не анализируютъ болѣе своего чувства. Крайность, одна крайность свела ихъ всѣхъ сюда, подъ знамя нечеловѣческаго труда. Худшаго для нихъ быть не можетъ, а лучшее все оставлено позади. Подавлены всѣ человѣческіе инстинкты. Но забыто ли все лучшее прошлое?— Едва ли!... Слишкомъ ясно чувствуется въ пѣснѣ скорбь: это — скорбь о лучшихъ дняхъ, потерянныхъ, можетъ-быть,

безвозвратно, и она давитъ, пуще лямки, сердце бѣднаго бурлака. Да, правъ Некрасовъ: не пѣсня то, а стонъ, стонъ надломленной страданіями души.

Общій удѣлъ народныхъ импровизаторовъ, слагателей этихъ чудныхъ пѣсенъ, быть неизвѣстными. Эти самородки-геніи не думали о томъ, какое импровизація ихъ будетъ имѣть значеніе впослѣдствіи. Многіе пробовали *сочинять* народную поэзію, то-есть писать, поддѣлываясь подъ народный духъ, какъ, напримѣръ, Карамзинъ въ своемъ «Муромцѣ». Кольцовъ, Никитинъ преимущественно писали въ духѣ простой, безыскусственной пѣсни, но, все-таки, пѣсни ихъ всегда отличишь отъ тѣхъ, которыя родились въ устахъ самого народа, его *невѣдующимъ, что творятъ*, великихъ импровизаторовъ. Записывать мелодіи коренныхъ народныхъ пѣсенъ такъ же трудно, какъ написать высоко-художественное музыкальное произведеніе; исполнить ее со всѣми ея мельчайшими оттѣнками, безъ которыхъ утрачивается характеръ пѣсни, еще труднѣе. За такое дѣло не можетъ браться человѣкъ мало знакомый съ народною жизнью, — не уловить ему секрета народнаго творчества. Поэтому исполнитель играетъ роль наравнѣ съ импровизаторомъ, если онъ изучилъ, постигъ духъ жизни народа, пѣсни котораго онъ поетъ, и глубоко проникнулся имъ, прочувствовалъ всякую букву пѣсни. Какъ бы ни было высоко-художественно драматическое произведеніе, поставленное на сцену, оно не произведетъ должнаго впечатлѣнія, если исполнители не поймутъ созданныхъ художникомъ типовъ и не воспроизведутъ ихъ со всѣми ихъ особенностями передъ публикой. Такіе же посредники должны быть между нами и нашимъ народомъ съ его поэзіей. Первый изъ извѣстныхъ намъ артистовъ, посвятившихъ себя дѣлу такого посредничества, былъ Хантошкинъ, жившій во времена императрицы Екатерины. Духъ русскаго народнаго пѣснопѣнія былъ у него въ плоти и крови, онъ родился съ нимъ. Началъ онъ съ того, что игралъ народныя пѣсни на площадяхъ и на улицахъ, впослѣдствіи же обратилъ на себя вниманіе бояръ и дошелъ до дворца

Екатерины, которая, какъ геніальная женщина, оцѣнила перваго русскаго народнаго музыканта. Удивительно, что Прачь, въ то же время составлявшій въ Петербургѣ свой сборникъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, такъ мало заимствовалъ у Хантошкина, или вѣрнѣе — показывалъ видъ, что игнорируетъ его, отъ чего, конечно, пострадалъ его же сборникъ. Между тѣмъ потребность къ русской пѣснѣ уже была и съ 1770 года до нашего времени появилось нѣсколько сотъ изданій русскихъ народныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ, впрочемъ, большинство ограничивались однимъ текстомъ и цѣль большинствомъ изъ нихъ не достигалась. Первая честь собранія и изданія пѣсенъ принадлежитъ П. А. Демидову, жившему въ Тулѣ во второй половинѣ XVIII столѣтія. Затѣмъ пѣсни были просто перепечатаны съ его сборника Якубовичемъ и Калайдовичемъ.

Карамзинъ, искренно любившій народную поэзію, собиралъ пѣсни съ цѣлью издать сборникъ, но неизвѣстно, почему не сдѣлалъ этого. Изъ старинныхъ сборниковъ съ мелодіей и текстомъ наилучшіе — Кирши Данилова (былины), Стаховича и Кашина. Какъ ни полезны сборники народныхъ пѣсенъ, но они, все-таки, далеко не могутъ быть такъ полезны для ознакомленія съ пѣсней, какъ передача послѣднихъ инструментомъ, или живымъ инструментомъ — голосомъ. На этомъ поприщѣ несравненно меньше было дѣятелей. Правда, у насъ были композиторы, какъ Верестовскій, Глинка, Сѣровъ, которые черпали матеріалы для своихъ сочиненій въ богатствѣ народномъ, но они далеко не исчерпали его до дна. Какъ исполнитель временъ Верстовскаго и Глинки, извѣстенъ Бантышевъ. Ему нечуждъ былъ русскій духъ, но онъ не изучилъ глубоко народной поэзіи, какъ, напр., Хантошкинъ, а скорѣе исполнялъ только то, что случайно попадалось ему на глаза. Причиной того, можетъ быть, была его служба при театрѣ, отнимавшая у него много времени, и отсутствіе самостоятельныхъ средствъ для того, чтобъ отказаться отъ нея. Въ позднѣйшее время хоровое пѣніе русскихъ на-

родныхъ пѣсенъ введено было въ программу концертовъ, съ большимъ смысломъ и знаніемъ дѣла, извѣстнымъ княземъ Ю. Н. Голицынымъ и имѣло громадный успѣхъ. Вначалѣ, можетъ быть, прихотью помѣщика прежнихъ временъ былъ для него его крѣпостной хоръ, прекрасно исполнявшій, кромѣ народныхъ пѣсенъ, и духовныя сочиненія, но впослѣдствіи онъ совершенно посвятилъ себя этому дѣлу и сознательно, желая сдѣлаться посредникомъ между народомъ и обществомъ, вышелъ на эстраду, окруженный пѣвческимъ людомъ. Хоръ этотъ подъ мановеніемъ его руки, руководимый въ свою очередь его русскою душой, проникалъ въ душу слушателей, а въ нихъ не было недостатка въ концертахъ Голицына. Жаль, что ранняя смерть лишила насъ такого дѣятельнаго поборника русской народной поэзіи, русской народной пѣсни. Какъ ни малочисленны были попытки сближенія народа съ образованнымъ сословіемъ и посвященія послѣдняго въ историческія тайны перваго черезъ посредство пѣсни, но онѣ, все-таки, не пропали безслѣдно, — напротивъ, онѣ породили, наконецъ, въ средѣ нашей человѣка не частью, а всецѣло посвятившаго себя этому дѣлу. Мы говоримъ о нашемъ, такъ любимомъ публикой, извѣстномъ народномъ пѣвцѣ Д. А. Славянскомъ, который занялся *дѣльнымъ дѣломъ*.

Не было бы Хантошкина, Бантышева, Голицына, можетъ быть не было бы и Славянскаго, — они проложили ему путь, и онъ неуклонно идетъ по этому пути. Неусыпность, съ которою онъ—единственный въ настоящее время представитель народной пѣсни—служитъ своему дѣлу, дѣлу своего народа, даетъ намъ право сказать о немъ нѣсколько правдивыхъ словъ.

Всѣ очень хорошо знаютъ, что сухіе ученые трактаты о народной поэзіи недоступны массѣ и далеко не достигаютъ той цѣли, которая достигается звуками голоса, а пѣніе пѣсенъ Славянскаго проникаетъ въ душу каждаго, отъ сферъ поддевки до салоновъ, и апатичный ко всему людъ этихъ послѣднихъ оказываетъ живое со-

чувствіе пѣснѣ, исходящей изъ его устъ. Приведемъ слова одного музыкальнаго рецензента во время его концертовъ въ Москвѣ: «Дѣвственный покровъ снятъ съ русской пѣсни; завѣса, скрывавшая отъ насъ русскаго человѣка, прорвана; блеснулъ свѣтлый лучъ сквозь непонятный, но давящій насъ туманъ чужеземнаго. Это — не мертвечина, ничего не имѣющая общаго съ нами, ласкающая только нашъ слухъ, это — пѣсня, идущая отъ души въ душу. Такой пѣвецъ — не простой воспроизводитель, онъ отчасти и творецъ; его пѣніе идетъ объ руку съ вдохновеніемъ, и вдохновеніе это сообщается слушателямъ. Толчокъ къ изученію народа данъ. надо только поддерживать его; теоретическіе же изслѣдователи неспособны поддержать его, какъ неспособны и возбудить. Для массы важны прежде всего художественное исполненіе и толковая передача пѣсни, рисующая въ воображеніи картины народнаго быта. Цѣлый курсъ исторіи можетъ быть преподанъ рядомъ пѣсенъ. Картина русской природы со всѣмъ ея разнообразіемъ просится въ пѣсню, которая не оставила ни временъ года, ни разнообразія климата, наравнѣ съ историческими событіями, безъ того, чтобы не воспѣть ихъ. А бытъ?... Начиная съ родинъ, свадебъ, похоронъ, вся жизнь семейная, промышленная, общественная — въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, жизнь духовная, наконецъ — все воспѣто. Куски готоваго матеріала лежатъ въ неисчисленномъ множествѣ; они только ждутъ зодчаго, который сложилъ бы изъ нихъ — и притомъ не одно цѣлое, но нѣсколько цѣлыхъ, обширныхъ произведеній, называя ихъ какъ угодно: драмой или оперой. Здѣсь начало цѣлаго курса народо-образовательнаго, столь обильнаго послѣдствіями дальнѣйшаго развитія, что ихъ ни предвидѣть, ни исчислить нельзя. Дайте намъ театръ, — театръ чисто-народный, основою котораго служила бы русская пѣсня — съ одной — и русская игра, мимика, — однимъ словомъ, русская пляска — съ другой стороны. Мы не безъ основанія причисляемъ сюда пляску. Пляска русская есть тоже драма, безконечно разнообразная и притомъ точно также неотдѣльная отъ

пѣсни, какъ сама пѣсня своими звуками не отдѣлима отъ своего текста и того бытоваго смысла, который въ ней изображается. Пляска русская еще ждетъ для себя своего Славянскаго. Русская пѣсня, умно выбранная изъ безконечнаго репертуара, — русская пляска, умно составленная изъ безконечнаго разнообразія, къ которому способна, и умно приложенная и къ тексту, и къ мотивамъ, — это сочетаніе будетъ не просто развлеченіемъ для народа, но школой его общественнаго воспитанія, зеркаломъ его жизни, просвѣтленіемъ его самосознанія, — нитью, которая свяжетъ отбѣжавшій высшій классъ и отставшій низшій взаимно между собою новыми и тѣснѣйшими узами. Ободрится и выростетъ народъ и получитъ новыя побужденія къ дальнѣйшему творчеству черезъ воспроизводимыя передъ нимъ, очищенныя выборомъ и художественнымъ исполненіемъ, собственныя произведенія; полюбимъ еще болѣе свой народъ и мы, отведенные было отъ него рукою исторіи; освѣжимся и почерпнемъ новыя силы въ ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ; дополнитъ остальное взаимный обмѣнъ, но обмѣнъ на болѣе разумныхъ основаніяхъ и въ болѣе осмысленномъ видѣ, чѣмъ онъ происходитъ теперь, когда народъ подбираетъ себѣ отъ насъ романсы и аріи черезъ переднія изъ домовъ и шарманки съ улицъ, и когда мы принимаемъ отъ него тоже какую-нибудь *Лучинушку* или *Не бѣлы снѣжки* — тоже чуть не исключительно черезъ шарманки и людскія. Вотъ съ этой-то точки зрѣнія и полезны концерты Славянскаго. Онъ придаетъ волшебную прелесть русской народной пѣснѣ, придавая ей характеристическіе, художественные оттѣнки, вполнѣ совпадающіе съ народнымъ духомъ. Слушая пѣніе Славянскаго и его капеллы, чувствуешь себя какъ-бы среди громадной родной семьи. Эта семья — русскій народъ, эта семья — всѣ славяне. Что-то слышится родное въ этихъ знакомыхъ звукахъ, въ этихъ *не чужихъ* пѣсняхъ, въ этихъ не ломающихся на сентиментальный ладъ мелодіяхъ. На душѣ становится то тяжело, то легко, то грустно, то весело, то чего-то жалко; становится тѣсно среди слиш-

комъ искусственной обстановки, и душа проситъ природы, проситъ простора. Въ воображеніи воскресаютъ лѣса, поля, луга, рѣки и вся, полная жизни, природа. Картины замѣняются картинами: то чувствуешь себя въ далекомъ прошедшемъ, то ожидаешь живаго будущаго, но съ любовью приникаешь къ хорошему въ настоящемъ. Одни ощущенія смѣняются другими, и всѣ они искренни и глубоки: слушаешь пѣніе, слушаешь — и снова упиваешься роднымъ словомъ и роднымъ звукомъ, и не знаешь, звуки ли это, обращенные въ слова, или слова, обращенныя въ звуки, или, наконецъ, сама душа человѣка, воплотившаяся въ звуки и слова. Да, всѣ геніи черпали свое вдохновеніе изъ народнаго источника, и важную услугу дѣлаетъ тотъ, кто воспроизводитъ народность въ какой бы то ни было художественой формѣ — въ музыкѣ, литературѣ, ваяніи, живописи. А пѣніе Славянскаго, по мнѣнію корреспондента Львовскаго *Слова*, «камню даетъ слово». Чтобъ уловить и передать до такой степени отчетливо глубокій смыслъ пѣсни, надо имѣть сердце, бьющееся за-одно съ творцомъ пѣсенъ — народомъ, знать вполнѣ его горе и радости и имѣть въ душѣ много собственнаго божественнаго огня, чтобы создать передъ слушателями полную иллюзію, проникнуть въ сердца и затронуть въ нихъ до боли русскую жилку. Москва — сердце Россіи, Москва — мать городовъ русскихъ; она любитъ все родное, и съ тѣхъ поръ какъ былины сдѣлались предметомъ изученія, уже былины были исполнены въ концертахъ Славянскаго. 1872 года онъ воспроизвелъ передъ слушателями впервые сѣдую старину; впервые Бѣлокаменная матушка наша огласилась звуками былины «О ласковомъ князѣ Владимірѣ и о бабьемъ прелестникѣ Чурилѣ Плѣнковичѣ». Воскресла мертвая древность, вышли изъ гробовъ дѣйствительные и сказочные герои — развѣ это не заслуга? Когда же мы услышимъ еще двѣ былины, исполненныя уже въ нѣкоторыхъ городахъ: «О Ермакѣ Тимоѳеевичѣ» и о «Бѣлокаменной, Москвѣ»? Пусть Славянскій не оставляетъ своей задачи облечь въ звуки душу народа и вдохнов-

ляетъ слова пѣсни такимъ чувствомъ, передъ которымъ не устояло бы ни одно русское сердце».

Много значитъ сжиться съ народомъ, сдѣлать для себя доступными его интересы; тогда только искренностью могутъ звучать въ каждомъ звукѣ и тяжелая, гнетомъ гнетущая, вѣками накопившаяся, грусть, и залихватская, ничѣмъ неудержимая удаль, и краснобайство природнаго русскаго ума, и неподдѣльная грація юной и свѣжей Малороссіи, и вопль чеха, и сосредоточенная ненависть серба... Славянскій хорошо усвоилъ себѣ это свойственное рускому мужичку затягиваніе и замираніе звука, что очень красиво въ пѣснѣ «Эй, ухнемъ!» Тамъ это замираніе звука изображаетъ удаляющуюся лямку, а съ нею — и уходящіе въ необъятную даль звуки. Характеристично также детонированіе на словѣ *ух* (ухнемъ), указывающее на физическое усиліе, дѣлаемое бурлаками. Не нравиться или не производить никакого впечатлѣнія могутъ только на того русскія пѣсни, чье сердце не бьется подъ ритмъ народнаго стиха, чье чувство оторвано отъ матери-родины, кто — паразитъ на русской родной почвѣ!

Ольга Агренева-С.......ая.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 Декабря 1881 г.